

Научная статья
УДК 32(091)
doi: 10.17223/15617793/517/16

Политическая мысль позднего областника Н.Н. Козьмина (на материалах публицистики начала XX века)

Александр Викторович Головинов¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alex-golovinov@mail.ru*

Аннотация. Реконструируется политическая мысль представителя позднего периода движения сибирских областников – Н.Н. Козьмина. Работа опирается на опубликованные источники – публицистические произведения ученого, вышедшие в свет в начале XX в. Исследовательские задачи достигаются на основе методологии «новой политической истории». Показаны нарративы общественно-политических воззрений ученого, такие как идеал представительной демократии и концепт федерализма.

Ключевые слова: Сибирское областничество, Н.Н. Козьмин, федерализм, демократия, земство, инородцы, история политической мысли

Для цитирования: Головинов А.В. Политическая мысль позднего областника Н.Н. Козьмина (на материалах публицистики начала XX века) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 152–158. doi: 10.17223/15617793/517/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/16

Political thought of the late regionalist Nikolai Kozmin (based on materials from the journalism of the early 20th century)

Alexander V. Golovinov¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, alex-golovinov@mail.ru*

Abstract. This work undertakes a historical reconstruction of the political views of Nikolai Kozmin, a representative of the late period of the Siberian regionalist movement. The research objective is achieved through an analysis of the journalistic works of this scholar-ethnographer from the early 20th century. The methodological toolkit of "new political history" is applied to this group of sources. Consequently, this research paradigm allows the historical reconstruction of the political ideas of Kozmin, a late regionalist, to focus on his ideological and political world, emphasizing the understanding of the individual and the people as the primary subjects of political and historical processes. The study emphasizes that, like the classical proponents of regionalist ideology, Kozmin championed the idea of representative popular sovereignty based on moderate administrative decentralization. According to the teachings of the Siberian democratic regionalists, excessive and hypertrophied centralization led exclusively to administrative chaos. This state of affairs was manifested in the frequent replacement of governors, which resulted in administrators being detached from real life. The centralism of the administrative machinery was accompanied by the growth of a bureaucratic apparatus rife with corruption. It was precisely decentralization on democratic principles that was intended to rectify the situation. The article demonstrates that Kozmin advocated a concept of an integrative character for the federal project. The core of this idea was that an optimal construction of the relationship between parts and the whole was only possible within a union based on a voluntary alliance. The foundation for such a condition is reasonable autonomy, cultivated through the establishment of representative bodies within the subjects of such a federation. Like all regionalists, the scholar-ethnographer sincerely believed that regional legislative advisory bodies would transform from a political dream into real functioning organs of state power. A separate strand of Kozmin's political thought addressed the ethno-political and ethno-cultural significance of Siberia's indigenous peoples in the global historical process. The author concludes that the central focus of the political reflection of this "junior" regionalist was the narrative concerning the democratic character of Siberian regionalism, its federalist nature, and its relative realism. For the scholar, the ideal of statehood was seen in a decentralized model of administrative-political governance, based on a network of representative (legislative-advisory) bodies established in every component of the federation to strengthen the union-partnership unity between the center and the regions.

Keywords: Siberian regionalism, N.N. Kozmin, federalism, democracy, zemstvo, foreigners, history of political thought

For citation: Golovinov, A.V. (2025) Political thought of the late regionalist Nikolai Kozmin (based on materials from the journalism of the early 20th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 517. pp. 152–158. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/16

Введение

В истории Сибири идеология областничества по праву занимает особое место. Прошлое и настоящее Азиатской части России неразрывно связано с подвижнической и самоотверженной работой различных представителей данного общественно-политического движения. Потому познание истории «Восточной окраины» в отрыве от политической идеологии сибирского демократического регионализма представляется неполноценным. Этим обстоятельством вполне объясним высокий интерес к данной теме в среде отечественных гуманитариев. Вместе с тем объектом исследований выступает чаще всего деятельность основоположников (классиков) областничества – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Последователи и носители областнической идеологии гораздо реже становятся предметом гносеологического поиска. Вместе с тем, чтобы реконструировать и показать всю палитру идеологии сибирского демократического регионализма, важно также включать в орбиту познавательных стратегий «поздних» областников.

Целая группа общественников и просветителей в начале XX века пропагандировала и манифестировала областнический политический и социокультурный проект. Одним из таких общественно-политических деятелей можно считать ученого-этнографа Николая Николаевича Козьмина. «Младшему» областнику принадлежит множество публикаций, развивающих нарративы областничества как политической идеологии. Ученый был, прежде всего, профессиональным историком, потому в исследовательской литературе преимущественно освещение получили его достижения на поприще изучения прошлого. Актуальная же политическая публицистика Н.Н. Козьмина пока не достаточно исследована. Настоящая работа предполагает восполнение данной исследовательской лакуны. Цель исследования – выявить и показать содержание и направления политической мысли позднего областника, представленной в публицистике начала XX в.

Исследовательский инструментарий, обзор историографии

Чтобы провести реконструкцию политических идей отдельных общественных деятелей, являющихся носителями определенной идеологии, необходим выбор адекватного инструментария. Поскольку объектом гносеологического анализа выступает идейная составляющая политической сферы в ее исторической ретроспективе, то вполне оправдано применение подходов «новой политической истории». Инструментарий направлен, прежде всего, на познание прошлого отдельных личностей, их идейного мира. Подход нацеливает исследователя на пристальное внимание к истории общественно-политических сообществ, рассматривая их в качестве главного политического актора. Государству в такой системе координат отводится меньшая роль.

Таким образом, в исторической реконструкции политических идей представителя движения поздних областников Н.Н. Козьмина данная исследовательская парадигма позволяет сосредоточиться на его идейно-политическом мире, с акцентом на понимании личности и народа как главных субъектов политического и исторического процессов. Стоит отметить, что такая методология органично вписывалась в мировоззрение самого Н.Н. Козьмина, так как он полностью разделял положения социальной историософии А.П. Щапова с его концептом «народной истории».

Вместе с тем значение для достижения исследовательских замыслов имели константы «новой интеллектуальной истории». Исследовательская установка направлена на познание идейного пространства, заключенного в текстуальные формы, где экзистенция политики, государства и власти есть предмет творческого и профессионального интереса значимой исторической личности, в нашем случае это наследие Николая Николаевича Козьмина.

Историография исследуемого вопроса представлена в большей степени в трудах иркутских историков. Это не удивительно, так как представитель позднего областничества сыграл в жизни столицы Восточной Сибири значимую роль.

С его деятельностью связаны развитие исторической науки в регионе и глубокие познания в области этнографии коренного населения Азиатской части страны. Ученый принимал активное участие в развитии Бурят-Монгольской автономной республики, работал в составе Временного Сибирского правительства, был занят в должности профессора кафедры краеведения Иркутского государственного университета и др.

Итак, в работах таких авторов, как В.Н. Казарин [1], Д.Я. Майдачевский [2], А.М. Курышов [3], А.П. Суходолов, И.Е. Козырская, Ю.В. Кузьмин [4] и др. представлен анализ исторической концепции позднего областника, показана его выдающаяся работа по проблемам административно-территориальных преобразований в Восточной Сибири, выявлены некоторые демократические воззрения, отмечаются достижения Николая Николаевича в исторической реконструкции промышленной истории региона.

Общие вопросы областнической идеологии, в том числе проблематика позднего этапа существования данного общественно-политического движения, широко представлены в трудах таких исследователей, как В.П. Зиновьев [5], А.В. Малинов [6], О.А. Харусь, В.В. Шевцов [7], Д.Н. Шевелев, К.А. Конев [8], Н.С. Ларьков [9], М.В. Шиловский [10], Т. Szyszlak [11], С.Я. Щеброва [12] и др.

Группой авторов доказана востребованность областничества как идеологии в периоды кризисов российской государственности, показана специфика деятельности сибирских регионалистов в годы русских революционных вызовов, установлены практики дискурсивного конструирования образов Сибири как особой территории в наследии областников и др.

Результаты

Политическая мысль Николая Николаевича основывалась на созидательных началах европейской социальной философии эпохи просвещения. Как и все областники, он разделял положения политико-философской доктрины Ж.Ж. Руссо, его парадигма народного суверенитета прекрасно вписывалась в миропонимание ученого-сибиряка. «Величайший политический мыслитель XVIII в., Руссо, – как замечал поздний областник, – свое учение изложил в сочинении, названном Общественным договором. Общественный строй он мыслил как результат сознательного соглашения и договора свободных, равных и взаимно благожелательных отдельных личностей. Следовательно, имелось два элемента социального строительства: человеческая личность и общество, как результат сознательной деятельности первой» [13. С. 70]. Таким образом, классовая борьба, которая в годы русских революций была актуализирована, понималась как несовершенный механизм достижения политических целей.

Солидаризм политического учения Н.Н. Козьмина формировался именно под воздействием полного восприятия философской мысли «эпохи реакции». В данном ракурсе ученый формулировал идеал государственности. Само государство виделось им как продукт единства между системой политических учреждений и властью народа, объединённого совокупностью общих культурных, экономических и политических интересов [13. С. 72].

Представитель «младших» областников констатировал, что социально-политическая мысль и политическая программы должны отвечать определенной совокупности реальных интересов. Так как человеческое общество не находится в положении статики, социально-политические идеалы должны мыслиться только динамически. «В своих статьях, – подчеркивал Н.Н. Козьмин, – относящихся к 1873 году, Г.Н. Потанин указывал, что массу русско-туземного сибирского населения составляет крестьянство вместе с казачеством. То же самое подчеркивал Загоскин. Поэтому и политическая мысль, и политическое движение в Сибири могли иметь значение в той мере, в какой они соответствовали реальным интересам крестьянской массы и были ею восприняты» [14. С. 45].

Ученый полагал, что вместе с тем для массовой организации крестьянства было сделано недостаточно. Самодержавное правительство было заинтересовано в том, чтобы держать население в состоянии распыленности. Было достаточно малейшего подозрения о том, что протягиваются соединяющие нити в деревню, чтобы консулы разнообразной полиции забили тревогу. Областник в горячих тонах отмечал: «Анархия выгоднее деспотам, чем независимая организация. Последняя не создается по слову. Для неё необходима известная почва, которая дается культурным развитием. Поэтому нужна длительная предварительная работа и поэтому так много внимания удалялось всегда Г.Н. Потаниным культурной работе в народе» [14. С. 45].

Как видно из цитируемого текста, публицист акцентировал культурно-просветительский компонент политического учения всех представителей областного движения. Стихия реальной политики, так же как и неистовая борьба за власть, совершенно была чужда демократическим регионалистам. Политические преобразования понимались этой общественно-политической группировкой как необходимый, но далеко не первостепенный способ развития родной Сибири, так же как и всякой русской периферии. По учению областников, только в демократическом обществе традиционные этнокультурные ценности воспроизводятся эффективнее, связи носят более созидательный характер, что благотворно сказывается на поддержке единства русского многосоставного государства.

По этому поводу Николай Козьмин специально пояснял: «Потанину предъявлялось обвинение в аполитизме, то есть если не в отрицании, то в равнодушии к значению политических форм и политической деятельности. Это не так, конечно, и никто другой, как Г.Н. Потанин, первый поставил на очередь вопрос чисто политического порядка – вопрос об областной думе» [14. С. 46].

Н.Н. Козьмин полностью разделал теорию Г.Н. Потанина о том, что всю историю человечества можно представить как борьбу индивида с порабощением. Посыл данной мысли буквально выражался в том, что человек становится рабом-земледельцем и борется с этим рабством, наложенным иноземцем, противостоит кабале, сражается с мануфактурным игом и могуществом капитала. «И Потанин, и Ядринцев, – замечал поздний областник, – вне примышленного развития не видели для Сибири возможности достижения высших ступеней социального и политического развития. Нужны фабрики, заводы, организованное производство, чтобы появился и организованный рабочий класс. Сибирских патриотов можно было бы называть марксистами, если бы Америка марксизма не была открыта петербургскими колумбами спустя двадцать лет. Пока же, единственная демократия – это крестьянство, или чалдонократия, как шутя и любовно выражался Ядринцев» [14. С. 46].

Также как и классики областнической идеологии, ученый отстаивал идею о представительном народо-власти, основанном на умеренной децентрализации в управлении. Чрезмерная и гипертрофированная централизация, по учению сибирских демократических регионалистов, приводила исключительно к административному хаосу. Такое положение дел проявлялось в частой смене наместников, что приводило к оторванности управленцев от реальной жизни. Централизм управленческой машины сопровождался ростом бюрократического аппарата, в среде которого царил коррупция. Именно децентрализация на демократических началах и должна была исправить ситуацию. Трезво оценивая окружающую действительность Н.Н. Козьмин констатировал, что русская политическая жизнь длительное время не предоставляла ни малейшей возможности обсуждения принципа автономии с элементами децентрализации.

При этом ученый все же находил свидетельства общественной потребности в организации областного управления на новых представительских началах. Так, в 1918 г. он писал: «Сперанский сначала также мечтал об органах управления, построенных не только на принципе умеренной автономии, но и выборности. Но затем, идя на компромисс с идеей городничего в лосиных штанах, остановился на построении Сибирского управления на принципе коллегиальности. Его советы главного управления и губернского управления были составлены из представителей ведомств и носили лишь совещательный характер, не обязательный для генерал-губернатора или губернатора» [14. С. 49].

Н.Н. Козьмин тогда же акцентировал, что дискурс о необходимости законосовещательных органов в сибирском регионе активизировался в актуальную политическую повестку в начале XX века. Как отмечал публицист: «С целью разработки, пропаганды и осуществления этой идеи был основан Сибирский Областной Союз, первая политическая организация сибирских областников. Этой организации принадлежит инициатива выработки проекта основных начал положения о земских учреждениях в Сибири, принятого в соединенном заседании 6 общественных организаций г. Томска» [14. С. 50].

В действительности данным проектом обосновывалась необходимость введения областного земства. Все областники возлагали большие надежды на реальное воплощение данного плана в административно-политическом устройстве страны. Согласно политическому учению Николая Николаевича, конструктивно предполагалось установление федеративных отношений снизу вверх, основанных на разграничении предметов ведения между центральной властью и полноправными регионами. Положения проекта оказались в этом смысле смелыми и местами даже реакционными, особенно в вопросе государственных земель, лесов и недр, которые должны были корреспондироваться в подведомственность областного земства.

К тому же конструкция предполагаемой федерализации по наблюдениям Н.Н. Козьмина стала объектом серьезных разногласий. «Мы должны иметь в виду, – писал поздний областник, – что при разработке земских проектов шла борьба и пропаганда политических взглядов. Некоторые совещания не решались выдвигать вопроса об областной думе, как выходящего из пределов земского самоуправления; были и противники федералистического принципа. Это вело к нежеланию обострять разногласия резкой постановкой вопроса. Проект, напечатанный в органе юристов “Право” за 1905 г., определенно конструировал автономную думу, хотя опять таки об автономии нет упоминания» [14. С. 52].

Акт учреждения сибирской областной думы мыслитель связывал со спасением от угрожающих условий разрухи в родном регионе. Именно «Восточная окраина» таким образом продемонстрировала бы всей русской периферии положительный эффект федерализма. «Сибирь, – был убежден публицист, – должна рассчитывать лишь на свои силы. И, как организованное целое, она должна будет принять самое активное участие

в восстановлении государственного союза российских областей и народов» [14. С. 54].

Как видно из приведённой цитаты, Н.Н. Козьмин проповедовал концепцию интегративного характера федеративного проекта. Суть идеи заключалась в том, что только в союзе на условиях добровольного альянса возможна оптимальная конструкция взаимоотношений частей и целого. Основой такого состояния выступает разумный автономизм, взращённый на почве создания собственных представительных органов в субъектах такой федерации. Как и все областники, ученый-этнограф искренне верил, что региональные законосовещательные органы из области политической мечты трансформируются в реально действующие органы государственной власти. К сожалению, не всегда мечту можно сделать былью.

Парадигма демократического политического устройства на федеративных началах была усвоена Николаем Николаевичем от идеологов сибирского областничества – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Сам ученый-этнограф неоднократно отмечал истинный идеал народовластия, столь присущий идеологии регионализма. Н.Н. Козьмин пришел к умозаключению о том, что «один Ядринцев или вдвоем с Потаниным могли бы только отдаваться поэтическим мечтам. Однако нужно было, чтобы сама страна, сами сибиряки взяли на себя общий труд строительства жизни. Только на этот массовый труд и можно было рассчитывать. Вот откуда должен был вытекать демократизм обоих сибирских патриотов» [15. С. 73–74].

На полосах журнала «Сибирские записки» за 1916 г. представитель позднего областничества акцентировал реализм политических надежд основоположников сибирского демократического регионализма. Публицист тогда писал о том, что один из авторитетных представителей народнического движения А.И. Герцен также рассчитывал на большое будущее русского Востока и прежде всего Сибири. «В мечтах о возможной великой роли Сибири сибирские патриоты не были странным или небольшим исключением, – констатировал ученый, – Герцен по поводу присоединения к России Уссурийского края в своей книге “Тюрьма и ссылка” писал: Сибирь имеет большую будущность; а на нее смотрят только, как на подвал, в котором много золота...» [15. С. 74].

Отдельным направлением политической рефлексии Николая Николаевича Козьмина выступил вопрос этнополитического и этнокультурного значения коренных народов Сибири в мировом историческом процессе. Будучи профессиональным ученым-этнографом, он последовательно развивал нарративы «инородческого вопроса», исходя из достижений в этой сфере, которые принадлежат основоположникам областничества. Автохтонное население Азиатской России ученый считал, также как и Г.Н. Потанин с Н.М. Ядринцевым, живым воплощением витализма эндемичного многообразия, ученый рассматривал его как позитивный продукт неизбежной встречи мира Востока и Запада. «Младший» областник неоднократно фиксировал случаи позитивного сближения коренных и пришлых на пространствах сибирского фронта.

Например, в 1916 г. сибирский регионалист приводил в подтверждение любопытный факт о том, что «русские, надвигавшиеся с Томска, в южной части нынешнего Ачинского уезда натолкнулись на киргизов и подвластных им басагаров, шустов, аринов и пр. Кыргызский князь Номча очень дружелюбно встретил русских. <...> Кроме киргизов в странах, прилегающих к Саянам и Алтаю, были две значительных политических силы. Это были к югу от Саян и Алтая государство Алтын-хана, или Золотого Царя, как русские переводили монгольский титул, и государство жунгаров, или Черных калмыков, как они называются в русских исторических актах» [16. С. 46–47].

Валидность выводов этнографических разработок просветителя является прямым свидетельством результативного специального университетского образования, которое Н.Н. Козьмин получил на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, закончив обучение с ученой степенью. Поэтому вполне понятно, что исторический метод в познании сферы политики ученый применял очень широко. Обращение к прошлому общества, к народному элементу в политической истории позволяло просветителю конструировать эволюционно-логические связи истории и современности. Концептуально-парадигмальной установкой в гносеологических стратегиях ученый считал историософию А.П. Щапова. Это отнюдь не удивительное, а скорее совершенно закономерно, так как все представители областнической идеологии полностью разделяли положения исторической концепции Афанасия Проккопьевича. С научно-эвристической точки зрения в отличие от классиков областничества, которые в основном только придерживались «щাপовской» социальной историософии, Николай Николаевич применял в исторических исследованиях данную методологию, реконструировал и адаптировал ее под конкретные исследовательские задачи. Все это позволяло обращаться к народу как активному субъекту социально-политической истории. Народ в такой системе координат понимался как главный исторический деятель. «Формы государственного устройства, – замечал просветитель, – культура, учреждения, литература, домообзаводство – все это признавалось не самостоятельным, производным – надстройкой над тем, что называли духом народным» [17. С. 103].

Исходя из такого посыла, в истории Азиатской части России ученый искал и находил ключевых личностей, местных интеллигентов, двигателей общественно-политического прогресса, внесших вклад в прошлое народа, и тем самым заложивших светлое будущее общества, личности, государства.

Не отрицал поздний областник и роль государственных деятелей в историческом и политическом процессе, просто фокус смещался на жизнь многооставного общественного конгломерата. Кстати сказать, Н.Н. Козьмин репрезентовал в качестве идеальных (положительных) «государевых мужей» М.М. Сперанского и Н.Н. Муравьева-Амурского, которые, как считал в своем политическом учении поздний областник, всегда противостояли диктаторской

модели власти и боролись с административным произволом. «Его (т.е. Н.Н. Муравьева. – А.Г.) внутренняя политика сосредоточилась на борьбе со злоупотреблениями, преследовании казнокрадства и лихоимства, упорядочивании различных отраслей административного управления, заботой о путях сообщения и новых колонизационных опытах» [18. С. 193].

Акцентируя народный характер исторического и политического процесса, ученый-этнограф, вне всяких сомнений, локальными «пассионариями» считал лидеров движения областников. Характерно, что ученый осуществил попытку библиографического анализа первых политико-философских работ Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, акцент был поставлен на ранней политической публицистике известных сибиряков, размещенных в «Камско-Волжской газете».

На столбцах известной томской газеты «Сибирская жизнь» он последовательно показал, как уже на «первых порах» идеологического оформления областнической программы основоположники сибирского демократического регионализма разрабатывали основные постулаты областничества: отношения центра и периферии, отмена ссылки, провинциализм, развитие образования и местной интеллигенции, взаимоотношения Востока и Запада, бережное отношение к этнической культуре Азиатской части России и др. [19. С. 2–3].

Также большое значение поздний областник придавал общественной деятельности М.В. Загоскина. В газете «Восточное обозрение» в 1905 г. была опубликована речь Н.Н. Козьмина, произнесенная на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, посвященная реконструкции роли общественного деятеля в жизни Сибири. «Мы стоим в дверях, – красноречиво повествовал тогда ученый, – может быть, лучшего будущего – будущего, манящего нашу измученную ужасами, еще не рассеявшегося мрака душу к лучам солнца, свободы, справедливости. Михаил Васильевич до этого будущего не дождался. Он, этот борец, [который] умер перед начавшимся рассветом» [20. С. 3].

По истине, выдающихся результатов на общественном поприще М.В. Загоскин достиг в публицистике. Николай Николаевич Козьмин отмечал его роль в агрегировании общественных сил «Восточной окраины» по средствам учреждения первой свободной газеты в Сибири «Амур», писал о бескорыстном служении общему благу и просветительстве.

Стоит напомнить, что классики областнической идеологии как раз и формулировали концепт агрегирования общественно-политических и культурных интересов русских окраин. В этом качестве на примере работ Н.Н. Козьмина отчетливо видна последовательность в приверженности «младших» областников идеалам демократического регионализма. Работы Николая Николаевича в сфере политики, возможно, не создавали прорывных решений и новых нарративов областнической программы, но развивали весь имеющийся арсенал идейного массива областничества. Апелляции к репрезентативным практикам формирования позитивного образа М.В. Загоскина потому

имели целью показать русской периферии, что в среде провинциалов была, есть и будет масса достойных для подражания общественных деятелей. Этот пропагандистский прием был призван обеспечить распространение союзно-интегративного характера идеологии сибирского областничества.

Выводы

Таким образом, Николай Николаевич Козьмин представляется последовательным и преданным идеологии сибирского областничества политическим мыслителем начала XX в. Центральным объектом политической рефлексии «младшего» областника выступил нарратив о демократическом характере сибирского регионализма,

его федералистской природе и известной реалистичности. Идеал государственности виделся ученым в децентрализованной модели административно-политического управления, основанной на сети представительных (законосовещательных) органов, созданных в каждой составной части федерации для укрепления союзно-партнерского единства центра с регионами.

Согласно политическому учению Н.Н. Козьмина, такая конструкция всецело позволила бы развиваться многочисленным этническим группам. В федеративном русском государстве, базирующемся на равноправном альянсе всех участников государственной жизни, виделась будущая перспектива активации общественной жизни в русской глубинке.

Список источников

1. Казарин В.Н. Образ государственной власти в Сибири в исследованиях иркутских историков. 1918–1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2024. Т. 49. С. 101–114. doi: 10.26516/2222-9124.2024.49.101
2. Майдачевский Д.Я. Н.Н. Козьмин как историк науки // Восьмые востоковедные чтения БГУ : сборник научных трудов. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2017. С. 264–272.
3. Курьшов А.М. Исторический метод исследования Н.Н. Козьмина: общая характеристика // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2023. С. 52–61.
4. Суходолов А.П., Козырская И.Е., Кузьмин Ю.В. История изучения в российской историографии творческой биографии и научного наследия профессора Н.Н. Козьмина // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. С. 484–493.
5. Зиновьев В.П., Воложанин и сибирское областничество. Из истории одной полемики // Человек – текст – эпоха / под ред. В.П. Зиновьева, Е.Е. Дутчак. Вып. 1. Томск : Издательство Томского университета, 2004. С. 191–205.
6. Malinov A.V. Siberian regionalism as a phenomenon of social thought in late imperial Russia // *Sibirica*. 2024. Vol. 23, № 2. P. 69–88. doi: 10.3167/sib.2024.230203
7. Харусь О.А., Шевцов В.В. Сибирский регионализм: между двух российских революций // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие : сборник статей Всероссийской научной конференции, Сургут, 24–25 ноября 2017 года. Сургут : Печатный мир г. Сургут, 2017. С. 95–103.
8. Шевелев Д.Н., Конев К.А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г.Н. Потанина 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 80–89. doi: 10.17223/19988613/91/9
9. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/456/20
10. Шиловский М.В. Сибирские корни славянского единства // Русин. 2023. № 73. С. 194–205. doi: 10.17223/18572685/73/12
11. Szyszlak T. Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej // *Wschodnioznawstwo*. 2023. Vol. 17. P. 395–416. doi: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
12. Щеброва С.Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69, № 1. С. 75–88. doi: 10.21638/spbu02.2024.105.
13. Козьмин Н.Н. Областничества // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 65–74.
14. Козьмин Н.Н. Областничество (Из истории сибирского областничества) // Сибирские записки. 1918. № 1. С. 42–56.
15. Козьмин Н. Н. (Ландарма). По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 63–78.
16. Козьмин Н. Н. Князь Иренак // Сибирские записки. 1916. № 1. С. 46–47.
17. Козьмин Н.Н. Афанасий Прокопьевич Щапов // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб. : Печатный труд, 1910. С. 80–130.
18. Козьмин Н.Н. М.В. Загоскин и его значение в истории развития сибирской общечности: (из истории областного движения) // Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб. : Печатный труд, 1910. С. 132–198.
19. Козьмин Н.Н. К библиографии сочинений Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева // Сибирская жизнь. 1916. № 56. С. 2–3.
20. Козьмин Н.Н. Памяти М.В. Загоскина // Восточное обозрение. 1905. 22 марта. С. 3.

References

1. Kazarin, V.N. (2024) *Obraz gosudarstvennoy vlasti v Sibiri v issledovaniyakh irkutskikh istorikov. 1918–1920-e gg.* [The image of state power in Siberia in the research of Irkutsk historians. 1918–1920s]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 49. pp. 101–114. doi: 10.26516/2222-9124.2024.49.101
2. Maydachevskiy, D.Ya. (2017) N.N. Koz'min kak istorik nauki [N.N. Kozmin as a Historian of Science]. In: *Vos'mye vostokovednye chteniya BGU* [The Eighth Oriental Studies Readings of BSU]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet. pp. 264–272.
3. Kuryshov, A.M. (2023) *Istoricheskiy metod issledovaniya N.N. Koz'mina: obshchaya kharakteristika* [Historical research method of N.N. Kozmin: general characteristics]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2023* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2023]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet. pp. 52–61.
4. Sukhodolov, A.P., Kozyrskaya, I.E. & Kuz'min, Yu.V. (2018) *Istoriya izucheniya v rossiyskoy istoriografii tvorcheskoy biografii i nauchnogo naslediya professora N.N. Koz'mina* [History of the study of the creative biography and scientific heritage of professor N.N. Kozmin in Russian historiography]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet. pp. 484–493.
5. Zinov'ev, V.P. (2004) V.E. Volozhanin i sibirskoe oblastnichestvo. Iz istorii odnoy polemiki [Volozhnanin and Siberian regionalism. From the history of one controversy]. In: Zinov'ev, V.P. & Dutchak, E.E. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Man – Text – Era]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 191–205.
6. Malinov, A.V. (2024) Siberian regionalism as a phenomenon of social thought in late imperial Russia. *Sibirica*. 2 (23). pp. 69–88. doi: 10.3167/sib.2024.230203

7. Kharus', O.A. & Shevtsov, V.V. (2017) [Siberian regionalism: between two Russian revolutions]. *Revolutsionnaya Sibir': istoki, protsessy, nasledie* [Revolutionary Siberia: Origins, Processes, Legacy]. Proceedings of the All-Russian Conference. Surgut. 24–25 November 2017. Surgut: Pechatny mir g. Surgut. pp. 95–103. (In Russian).
8. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2024) Siberia as a socio-cultural space in G.N. Potanin's journalism of 1917–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 91. pp. 80–89. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/91/9
9. Lar'kov, N.S. (2020) "Potanin's circle" in Siberia in 1917–1919: from educational activities to the power contest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/20
10. Shilovskiy, M.V. (2023) Siberian roots of Slavic unity. *Rusin*. 73. pp. 194–205. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/73/12
11. Szyszlak, T. (2023) Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej. *Wschodnioznawstwo*. 17. pp. 395–416. doi: 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
12. Shchebrova, S.Ya. (2024) Oblastnichestvo v sud'be Grigoriya Gurkina [Oblastnichestvo in the fate of Grigory Gurkin]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 1 (69). pp. 75–88. doi: 10.21638/spbu02.2024.105
13. Koz'min, N.N. (1917) Oblastnichestva [Regionalisms]. *Sibirskie zapiski*. 6. pp. 65–74.
14. Koz'min, N.N. (1918) Oblastnichestvo (Iz istorii sibirskogo oblastnichestva) [Regionalism (from the history of Siberian regionalism)]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 42–56.
15. Koz'min, N.N. (Landarma). (1916) Po povodu pisem N.M. Yadrintseva [Regarding the Letters of N.M. Yadrintsev]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 63–78.
16. Koz'min, N.N. (1916) Knyaz' Irenak [Prince Irenak]. *Sibirskie zapiski*. 1. pp. 46–47.
17. Koz'min, N.N. (1910) *Ocherki proshlogo i nastoyashchego Sibiri* [Essays on the Past and Present of Siberia]. Saint Petersburg: Pechatnyy trud. pp. 80–130.
18. Koz'min, N.N. (1910) *Ocherki proshlogo i nastoyashchego Sibiri* [Essays on the Past and Present of Siberia]. Saint Petersburg: Pechatnyy trud. pp. 132–198.
19. Koz'min, N.N. (1916) K bibliografii sochineniy G.N. Potanina i N.M. Yadrintseva [To the bibliography of works by G.N. Potanin and N.M. Yadrintseva]. *Sibirskaya zhizn'*. 56. pp. 2–3.
20. Koz'min, N.N. (1905) Pamyati M.V. Zagoskina [In memory of M.V. Zagoskin]. *Vostochnoe obozrenie*. 22 March. P. 3.

Информация об авторе:

Головинов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Golovinov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 29.08.2025.*

*The article was submitted 11.12.2024;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 29.08.2025.*